

Варшавское гетто – город смерти¹³

Свидетельство профессора Людвика Хиршфельда,

известного ученого, бактериолога, серолога, открывателя палочки паратифа С, создателя польской школы иммунологии, воспитателя многих поколений врачей, ассимилированного еврея переселенного в гетто.

Давным-давно турки решили удалить собаки из Константинополя. Обычай запрещал убивать животных. Поэтому перенесли собаки на необитаемый остров, чтобы они взаимно пожирались. Способ избавиться от собак стал клеймен как жестокий и негодный. Так было раньше...

Теперь немцы решили уничтожить евреев – как собаки из Константинополя, чтобы издохли от голода, от вши и грязи. Поэтому создали гетто. Вначале их было много, затем ограничивали их число так, чтобы петля сжималась все более и более на шее узников. В конце концов немцы собрали всех евреев в нескольких центрах. Тогда наступил окончательный ударь.

В Варшаве говорилось, что создается еврейский район. План был несколько раз откладываван. Наконец в октябре 1940 года немцы дали распоряжение, согласно которого каждый еврей под страхом смерти должен переселиться в назначенный ему район. Часть города оградил колючей проволокой и на счет Еврейской Гмины построили высокие стены, оставляя только несколько отверстий и допуская учреждение небольшого количества продовольственных средств – калории 200, то есть десятую часть необходимую к дальнейшему существованию. Еврейская Гмина была лишена всяких прав. Немецкий комиссар, глава еврейского района, должен заботиться о том, чтобы согласно с приказом, смерть евреев, которые довольно скоро умирали, не проявляла публичного возмущения. Создавались разные правила с целью грабежа и эксплуатации народа паразитов через народ идеалистов. Это явление, которое можно назвать перевернутым

паразитизмом, получилось красивозвученное определение: чтобы евреи окончательно перестали паразитировать на инородном теле, необходимо научить их работать.

Разразилась борьба насмерть. Все, чем характеризовалась еврейская интеллигенция: талант импровизировать, жажда жить и беспощадность борющихся за свободу, теперь как «бисер перед свиньями». Евреи – это народ, у которого не было опыта в правлении, лишенный самодисциплины, который при помощи критики, оппозиции и филантропии экспонировал свои общественные инстинкты, этот народ ученых, людей, которых умственный уровень классифицировал выше среднего, а их способность защищать себя – стояла ниже среднего. И этот народ изо дня в день заставили создать администрацию, что-то вроде хозяйства на руинах.

Собственно говоря это был концентрационный лагерь построенный с целью того, чтобы люди взаимно пожрали друг друга, чтобы погибли от голода, эпидемии и омерзения. В арийском районе на один гектар происходит в десять раз меньше народа чем здесь. Там пытались прежде всего уничтожить интеллигенцию, здесь всех. Там люди жили как прислужники, здесь они были предназначены на презрительную смерть в страшных условиях. На улицах густая толпа народу, что никак не проберешься сквозь ее. По улицам ходят люди в старой, оборванной одежде, встречается людей в лохмотьях, даже без сорочек. Большинство из них занимается торговлю. Торгуют прежде всего дети и женщины. У них можно купить все: пуговицы, кнопки, нитку, одежду, баранки, папиросы, экзотичные кондитерские продукты. На улице один гомон и шум, но если вслушаешься лучше можешь услышать пискливый, утомленный голос мальчишки: «батоны купите, батоны, папиросы, конфеты». Этот голос еще на долго останется в памяти.

На мостовых одна грязь и мусор. Время от времени подбегает какой-то ребенок в лохмотьях и вырывает пачку прохожему, сразу приняв всю быстроту, на которую есть способен убегает, пожирая одновременно пищевые товары, которые достались

¹³ L. Hirszfeld, *Historia jednego życia*, Warszawa 1989.

ему. Толпа людей бросается в погонь за ним. Если его догонят – побьют, что не мешает ребенку, заканчивая пир, съесть все до последней крохи. Ежеминутно можно увидеть такую картину: синяя полиция вместе с еврейской Службой общественного порядка прогоняют мужчин, женщины и дети. Это переселенцы. Они тащат с собой какие-то остатки своего имущества: какой-то узелок, изредка подушку или тюфяк. Те, которым повезло едут на телеге. Беспощадная и жестокая толпа. Достаточно, чтобы человек на минутку обернулся и сразу кто-то убирает его последний узелок. В течение пяти минут выбросили их из домов, не позволяя взять с собой необходимые вещи. Они жили в маленьких местечках недалеко от Варшавы. Больных, стариков и уродливых убили наповал. Во время пути убивали тех, кто не успевал. Однажды сын остановился на телем убитого отца и его сразу убили. Трагическое выражение лица у этих переселенцев. С одной стороны призрачный страх, с другой стороны – тупое унынье.

Ежеминутно появляется толпа оборванцев веденных через еврейскую Службу Общественного Порядка, изредка появляется лицо интеллигента и лучшая одежда. Все они – жители домов, в которых близкие им родственники умерли от тифа. Стоит один такой случай и сразу всех жителей прогоняют в купальни, а то, что им надо долго ждать, и что это способствует вшивости, этого исполнители приказа не принимают во внимание. Из дня в день одно и то же: тротуар покрытый трупами, которые переходят в невелики возвышения накрытые макулатурой, из-под которой выдвигаются ноги, или очень припухлые, или крайние худые. Это тела тех, кто умер от голода или от тифа. Среди них есть бездомные, которые умерли на улице, но есть и те, кто умер в своем доме, а положили их туда нищие родственники, у которых нет денег, чтобы оплатить похороны, и которые боятся распространения эпидемии тифа в квартале. Иначе они могли бы потерять все: дом, хлеб, даже жизнь. С помощью таких интеллигентных способов бороться против заразе. А то, что вши с трупов распространяются по улице, это для тех, кто стоит у власти лишь ненужные пустяки.

Трупы убирают Исправительные Службы, но все-таки случается так, что они раскладываются и гниют несколько дней. Сначала перевозят их в сарай напротив Гмины, затем попадают в морг. Тела укладывается навалом, одно на другое. Они голые, часто надкушенные через крысы, у всех перековерканные руки и ноги. На каждой улице находятся хотя бы одно похоронное бюро. Самое лучшее в районе предприятие – это похоронное бюро Пинкерта.

Стены и колючая проволока, встречаемые на каждом шагу, причиняются к тому, что человек чувствует себя как в тюрьме. Таким способом начальство изолирует и борются с бактериями – говорят те, кто считаются опытными врачами. Наука уже давно отошла от средневековых карантин, считая их жестокими и бессмысленными. Неужели они бессмысленные? Ведь дело не в уничтожении эпидемии, а в уничтожении евреев. Поэтому они целеустремленны.

В стенах есть несколько отверстий. У них стоит стража, в местном диалекте «нюхает». Она состоит с нескольких вооруженных немцев, с призрением смотревших на толпу, а также с польских и услужливых еврейских полицейских, которые получают пощечину, если ведут себя неловко. При вахте со стороны еврейского района большая толпа ребят-оборванцев, с другой стороны собирается народ и смотрит широко разевая рот. Эти ребята – кормильцы семьи. Когда немец не видит, тогда перебегают на другую сторону стены, где покупают картошку и хлеб, упрятывают их под одежду, и пытаются незамечено возвратиться домой. Польская полиция смотрит на это ласково. Еврейские полицейские борются сами с собой – очень жаль их дети, которые рискуют своей жизнью, чтобы прокормить своих родственников и соседей. Если бы не они, не один умер бы от голода. Эти ребяташки – единственный способ иждивения семьи. Отец потерял все, немцы взяли и мастерскую, и дом, даже последнюю рубаху. А ребенок принесет картошку. Немецкая стража ведет себя по-разному. Бывает, что вахтер усмехается и сам поощряет перейти.

Ведь он тоже отец, и у него тоже есть дети. А те еврейские ребятишки все-таки напоминают дети. Не все немцы – палачи. Но, чаще всего случается так, что вахтер снимает с плеч винтовку и стреляет прямо в маленькие и ничтожные детские тела. Почти ежедневно – поверите? Почти ежедневно приводят в больницу жестоко раненые дети.

Все евреи, кроме детей носят жгут. Поэтому еврейским детям легче пронести контрабандой. Проезжает трамвай в арийском районе. Ребята на ходу сбрасывают узелки и выпрыгивают из телег. Другие дети берут эти узелки и убегают. Если немец заметит это, сразу бросается в погонь. Невероятное преследование! В самом лучшем случае полицейский возьмет контрабанду и уйдет, но часто эта погоня заканчивается смертью ребенка. Никого не затрагивает судьба его и его семьи, и факт, что если ребенок не принесет им хлеба, все умрут. Через стену необходимо перейти быстро, так быстро, чтобы немец не заметил. Если заметит – убьет. «Kriegsbefehl des Führers». Часто бывает так: полицейский приказывает ребенку, что бы он еще раз поднялся на стену и стреляет ему в спину. Если его тело упадет на арийскую сторону, сразу выкапывают его как мяч в гетто. Излишнее оно здесь. Благодаря этим ребятишкам почти пол миллиона жителей гетто проживало год. Если когда-то захотят построят монумент умершим, пусть будет это памятник этим маленьким героям, с надписью: «Неизвестному ребенку – контрабандисту».

Сотни нищих. Они везде. Страшные картины напоминающие голодные Индии: мать сухой грудью кормит ребенка, а сбоку ее лежит телко ее старшего сына. На тротуаре человек при смерти. Его лицо опухшее от голода, в глазах страдание, руки и ноги отморожены. Ходят слухи, что нищим детям ежедневно ампутируют пальцы, руки и ноги. Может быть это известные художники? Ни в коем случае, это просто те, которых другие люди заставили жить в таких условиях. Есть два типа нищих, некоторые выглядят как баллон – у них мертво-бледное, распухшее лицо, маленькие глазки, ноги как у слона, другие – просто один скелет покрытый бледно-желтой кожей. Лица дети

напоминают лица стариков. Это два изображения голода: мокрый и сухой голод.

В стенах некоторых домов есть отверстие; время от времени через него протискивается мешок. Случается так, что продовольствие перебрасывается над стеной гетто. Чтобы это было возможно, необходимо подкупить полицейских, которые в то время отворачивают голову. На улицах много вооруженных немцев, тогда за один кусок хлеба можно заплатить жизнью. Здесь продукты питания в несколько раз дороже, чем в арийском районе. Бывает так, что даже булка не лезет в рот – у нее вкус крови.

Есть и другие формы контрабанды, требующие от человека как мужества, так и фантазии. К ним принадлежат: транспорт коровы в караване, перевозка теленка в гробе, или под сеном, соломой. Конечно все это было возможно только за деньги, которые получали еврейские и польские полицейские, но самую большую часть всегда получал немецкий солдат. Все происходило складно, еврей получает одну часть, поляк – две, а немец – семь. «Зарплата» зависит от расы данного полицейского.

Бывает так, что немцы специально замедляют шаг, чтобы посмотреть зрелище. Естественно, эти евреи ни в коем случае не напоминают европейцев. Выглядят как дикие животные в клетках, с таким различием, что в зоопарке при каждой клетке находится надпись: «Не дразни животных». Существуют также разные организации, как Общество защитников животных. Зато в этой клетке всякого рода изнасилование является желаемым. Время от времени некий офицер вот так, для развлечения стреляет в толпу евреев, смотрит и улыбается, когда те начинают быстро бежать, пытаюсь как-то защитить себя перед градом пульей. В другой раз подъезжает машина, с которой выходит офицер и длинным хлыстом начинает бить и ругать прохожих. Пусть Русвельт защищает тех, кто начал войну.

В гетто приезжают большие автобусы, а в их окнах сидят любопытные немецкие солдаты. Смотрят: «Kraft durch Freude». Большая поездка в зоопарк «соединенной Европы». Гебельс стремится к тому, чтобы благодаря ему солдаты поверили в

немецкую силу и узнали метод поведения и отношения к человеку другой расы. Всеобщее презрение. Ведь эти нищие вообще не похожи на человека. Гебельс – это большой ценитель немецкой души. Каждый другой на его месте заплакал бы над судьбой этих преследованных, только немецкий солдат послушно усмехается и послушно презирает. А от презрительного отношения к убийству один шаг.

Я уже узнал в чем заключается суть перемены человека в жестокого преступника. Достаточно лишить другого человека всего, что человеческое, гуманное, порядочное и придать ему статус какого-то отвратительного существа: может быть это клоп, крыса или вошь. В этом могут помочь и помогают письма в роде: «Das schwarze Korps». Те, кто прочитает текст письма, неспособен мыслить и не в состоянии принимать умные решения. Его мысли поднимаются как ноги во время долгого марша – то есть по приказу. Ибо как по-другому можно отнести к следующему факту: девочка пытается протиснуться через вахту, вдруг поднимается голос немецкого солдата, который зовет ребенка и мало-помалу поднимает винтовку. Затем солдат иронически усмехается и говорит: «Я тебя не убью, но уж никогда не пойдешь за хлебом», после чего стреляет ребенку в ножки. Действительно, девочка уж никогда не пойдет за хлебом, не пойдет никуда, ибо с ее маленьких щуплых ножек ничего не осталось, а то что осталось необходимо было ампутировать. Или другая ситуация: солдат заставляет ребенка идти и не обертываться, а сам наводит оружие в его спину. Ребенок становится на колени, плачет и просит пощады. Нацист равнодушен к делу, приказывает мальчику идти, затем стреляет в его спину. Для еврея смертью может закончиться обыкновенная покупка газеты. Один выстрел и человек мертв. А в этой момент подбегает щенок. Убийца совсем по-другому относится к собаке. Немец приятно улыбается, наклонивается и гладит пса по головке. Немцы любят псы. Все о чем здесь шла речь происходило на улице Холодной в Варшаве, в XX веке после рождения Христа. Когда спросили маленькую еврейку, кем хотела бы родиться, она прямо сказала: «Я хотела бы родиться

собакой, потому что немцы любят псы, и я тогда не беспокоилась бы, что они придут и убьют».

Все евреи с двенадцатого до шестнадцатого года жизни вынуждены были работать. Некоторые работают в лагерях – это своего рода мученичество, которого современный человек даже не в состоянии вообразить себе, как не в состоянии вообразить себе ад. Все это – дело сатаны. Все евреи с удовольствием начали бы работать по второй стороне гетто. Там все можно купить намного дешевле, и хлеб, и картошку, а что идет за этим - проще выжить. Зарплата за один день состоит три злотых – за эти деньги даже завтрака не купишь. На площади много желающих, их на много больше, чем мест в специальных грузовиках для перевоза людей. Немец спокойно смотрит, как «рабы» бьются о места. Когда этот «спектакль» ему надоест, берет бич и начинает издеваться над беззащитными. Время от времени ударяет их нагой - так для разнообразия.

Я сам очень часто видел, как другие били еврейских врачей, юристов, а у всех то же тело. Когда грузовик пускается в путь, упадают те кто вцепился в машину. Можно еще выбросить их фуражку или узелок, и тогда они сами выпрыгивают за ними. По-моему, как евреи, так и немцы потеряли свое человечество. Разница заключается только в том, что одни бьют, а другие получают кулаки.

Часов семь утром, на улице появляется черная толпа. Везде гомон, сумятица и голоса страдающих детей, пытающийся продать продукты, которые у них есть. В восемь часов начинается комендантский час, все мало-помалу утишается.

Я описал все, что было характерно для того жуткого времени. Но, эти ощущения не указывают в целом этой бездны, которая разлилась над Варшавой. Эпидемия тифа приносит новые жертвы. Это переполошит всех. Тифа боятся также Немцы. Говорится, что если тиф не будет истребляться, так, как они приказали, тогда еврейский район перестанет существовать. Все евреи, которые причиняются к распространению тифа, будут переселены в лагерь. Никто не в состоянии воспротивиться приказу. Дело в том, что повиновение немецким солдатом, тоже

означает смерть – смерть из голода. Трехнедельная дезинфекция домов тех, кто заболел тифом, в большинстве случаев заканчивается смертью. Такие дезинфекции уничтожают все.

Пол миллиона людей было впихнуто в клетки, где все условия способствовали распространению бациллы тифа и других болезней. Помощи не за чем было ждать. Все на что могла позволить себе власть – это гротесковые приказы. Когда господин Кудике получил пятьдесят миллионов злотых, чтобы уничтожить эпидемию в Польше, в даре удалось ему послать дезинфектор за восемь тысяч злотых. Впрочем ничего не осталось, кроме веры в тайные драгоценности евреев. А что самое важное, побудительной причиной явилось осознанное желание уничтожать и губить.

Число умирающих в месяц в среднем становилось пять тысяч, то есть, на тысяч человек приблизительно умирает сто двадцать. Чтобы указать масштаб этого явления, позволю себе отнести к данным, указывающим смертность евреев и поляков перед войной: евреев - десять с половиной на тысяч, а поляков - одиннадцать. «Озабоченность» оккупанта причинилась к тому, что число умирающих увеличилось с одиннадцати до двадцати двух у поляков и с десяти до ста двадцати у евреев. Что было причиной такой смертности? Во время самой страшной эпидемии, тифом заболело 2500 евреев, с чего 700 умерло. Следовательно в год вымирало около пятидесяти тысяч человек. При такой смертности жизнь в гетто длилась бы не более восьми лет. Таким способом, условия, которые создались эгидой немецкой науки, чтобы «научить евреев работать», являются причиной постепенного вымирания еврейского народа в течение восьми лет. Какая была причина смертности этих пятидесяти тысяч? Число умирающих из-за тифа – это от 200 до 700 человек. Допустим, что было в три раза выше, что дальше не выясняет причины смерти 3000, 4000 человек, которые не заболели тифом.

Они умерли от голода. Я видел дома, в которых третья часть жителей умерла в течение нескольких месяцев. Смертность переселенцев была так страшная, что их дома ликвидировались в

ускоренном темпе. Никакие врачебные усилия и хлопоты не были в состоянии помочь страдающим из-за голода.

Количество пищевых товаров определенное властью (пищевой листок), не было и не могло быть фактическим мерилем перед великой контрабандой. Становилось оно приблизительно 10 процентов потребности улицы. В арийском районе было чуть-чуть выше, в среднем становилось двадцать четыре, сорок процентов. Число необходимых для жизни взрослого человека порции в калориях становится приблизительно три тысячи днем. Итак, аристократией в этом отношении можно было считать чиновников, которым полагалась половина необходимой для жизни пищи, то есть тысяча пятьсот калории. Все другие слои общества, как интеллигенция, рабочие, ремесленники, ограничивались свою еду к 1000 калории днем. А переселенцы? Они получали еще меньше, ибо триста калории.

Не удивительно, что на улице можно было увидеть сотни нищих опухших от голода. Как выглядит такая тихая агония в бездне нищеты, как это было характерно для домов переселенцев и детдомах. Доктор Януш Корчак получил для своих детей такой продовольственный поек, что если бы хотел накормить все свои ребятишки, все умерли бы в течение нескольких месяцев. Таким образом доктор решил, что не будет кормить младенцев, чтобы дать шанс жить другим детям, тем, у которых было сознание жизни. Януш Корчак умер как герой, ибо до конца своей жизни не оставил своих опекаемых.

Последствия голода могут быть разные. Голод изменяет течение заразной болезни. Является причиной своеобразного синдрома заболеваний. Пересматривая статистики смертельных исходов в еврейском районе, можно прочесть, что главной причиной смерти является так называемое изнеможение. Очень редко появляется термин туберкулез. Ведь всем известно, как голод влияет на распространение этой болезни. Туберкулез – это заразная болезнь, а согласно приказу, те, кто умер от туберкулеза, должен быть похоронен в гробе. Большой части общества «паразитов» это было не по карману, в следствие чего эти люди умирали от других болезней. Повод? Подходящее удостоверение

стоит на много дешевле чем гроб. В это время образовалась даже такая врачебная специальность, которая занималась печатью таких удостоверений покойникам. Чтобы лучше понять, в какой степени туберкулез угрожал жизни евреев, необходимо спросить об этом врачей, которые работали в бесплатной амбулатории и в больницах. Рентген, казалось бы, здоровых детей-сирот указывал, что около пятнадцать – двадцать процентов них болеет именно туберкулезом. Казалось бы здоровые люди, а у них уже появились ямы в легких. Действительное разорение происходило в отделах для детей больных туберкулезом. В их маленьких, изморенных легких появлялись ямы величины яблока. У некоторых развивалось специфическое «холодное» воспаление, приводящее к образованию множественных мелких узелков и бугорков со склонностью к распаду. У этих детей даже температура не повысилась. Это отсутствие жара, которое можно было считать результатом успешного лечения, в честности оказывалось предвестником предстоящей катастрофы. Ребятишки хорошо знали, что это конец их земного пути. В больницах не было места, чтобы отделить больных, у которых туберкулез только что начинался, от тех, у которых развилась патологическая гистология. Итак малыши смотрели, как их ровесники умирали друг за другом, по очереди, более десяти днем.

Часть измеренных умирала от туберкулеза, большинство умерло просто от голода. Больницы полны были детей двоякого типа: одни опухли так, что еще при жизни напоминали утопленников, лицо - посинелый шарик, глаз не увидишь, ноги как у слона и метеоризм. Второй тип – скелет обитый кожей. Такой человек не был в состоянии двигаться, согнув ноги, лежал безжизненно. Лица как у стариков, густые брови, иногда маленькая растительность, и кожа высушенная как пергамент. Кроме того, голодный понос обессиливал всех. Доктор Еленкевич и доктор Фолманова показали причину старческого вида и растительности у детей. Оказалось, что причиной всего этого есть голод, который вредит гормональным органам. Можно ли спасти эти органы? В большинстве случаев это было неосуществимо. Дети погибали как мухи. Иногда случилось, что больничный стол

был поводом выздоровления малыша, но через некоторое время такой исцеленный снова занемогал. Хватило, чтобы такой ребенок вернулся домой, а через неделю попадал в больницу тяжелее больным, чем в первый раз. Это дало начало многим научным работам, посвященным влиянию голода на отдельные виды авитаминоза. Значительные научные достижения. К сожалению много документов пропало.

Голод задерживал менструацию и был поводом бесплодия. Все меньше и меньше родилось детей, а если родились скоро умирали, не познав суеты земного мира. Интересно, что все чаще люди жаловались на невыносимые боли ног и рук. Таких случаев было много, а диагноз один: ревматизм или неврит. Спустя некоторое время, несмотря на лечение, все они оказывались калеками, движение было невозможно. Это было так называемое размягчение костей, поводом чего был недостаток витамина D, содержащегося в жире животных. Впервые это заболевание было описано во время войны доктором Гольдфламом. Хорошее питание и подача витамина D многим возвращало здоровье. Безотносительно голодной смерти необходимо знать жизнь страдающих от голода и патологию голода. В общем симптомы этого заболевания, особенно первые признаки мало известны врачам. Особенное внимание привлекает такой факт: число смертельных исходов как по еврейской, так и по арийской стороне было параллельное. В гетто, конечно, было на много выше, но, если принимать во внимание недельную численность, изгиб кривой для этих районов был идентичный. Идентичны были также климатические условия, только условия быта совсем другие. Возможно, что кал вши находится также в уличном пыли, что способствует заражению как пневмонической дорогой, так и через нос и глаза.

Я начал ходить по районе с правом руководителя Совета Здоровья, у которого есть власть и рецепт, чтобы уничтожить в районе эпидемию и нищету, ликвидировать сгущение населения. Только небольшая часть из выселенцев нашла жилье и начала нормально жить и нормально зарабатывать. Когда я попал в район, при жизни оставалось почти двенадцать тысяч из

выселенцев. Они жили в так называемы домах для переселенцев. О них заботилась Гмина и Комитет Помощи Евреям. Эта последняя организация регулярно следила за всем, что касалось здоровья и жизни подзащитных. Через некоторое время забота над переселенцами осталось лишь в руках Комитета, а Гмина занялась досмотром.

Однажды я посетил дом переселенцев из города Гданьска. Они принадлежали к элите, все знали несколько иностранных языков, выводились из интеллигентов. Там можно было проверить закономерность тезиса Гитлера, который утверждал, что все немцы – это народ, который говорит только правду, в отличие от лживых и лицемерных евреев. Там я узнал, какая жестокость и еще большая низость характеризовали немецкий народ. Евреям из города Гданьска сказали, что поедут в Палестину, что милосердный фюрер разрешил им вернуться на родину, и что могут взять с собой свои драгоценности и деньги. Все поверили, осторожные зашили. В местности Тчев лишено их этих ценностей. Обыск был так подробный, что изрезывали одежду и отрывали пуговицы. Заставили обменять гданьскую валюту на польскую. Какие доброжелательные люди, правда ли? А когда приехали в Варшаву, оказалось, что у всех есть польские деньги без штамповки, за которые ничего не купишь. Выезжали богатыми, а в Варшаву приехали уже нищими. Старушка показала на узелок, висящий над ее берлогой: «Это все, что мне осталось: два платья. Как их проем, мне необходимо умереть».

Я встретил там одного еврея из города Манхеиму, который раньше занимался продажей табака. У него есть друзья-немцы, социал-демократы, но они не в состоянии помочь ему, ибо за такое поведение могут попасть в лагерь. Я спросил его: «Если война закончится и разрешат вам вернуться на родину, в Манхеим, тогда вы вернетесь или эмигрируете?». «Я на коленях туда вернусь».

Помещения для переселенцев были разные: или муравейники, или пяти- шестикомнатные жилья для несколько сот человека, или маленькие, двух- трехкомнатные для десятка полтора человек. Во дворе мусор и кал, который доставался второго

этажа. В районе мусора никто не вывозил. Кроме того отдел снабжения часто получал и раздавал гнилую капусту и замерзнутую картошку. Все это не влияло хорошо на здоровье и гигиену района. Испорченные продукты питания очень быстро были выброшены на свалку. Почти всегда неисправная канализация из-за мороза и нехватки топлива, в результате чего улицы, лестницы, даже полы квартир покрылись колом и испражнениями. Лестничные клетки были лишены перил, которые послужили как топливо. В комнатах, на нарах и на поле лежат люди, то есть какие-то шарики и живые трупы, которые только напоминают людей. Все они лежат наго или в тряпья, ничем непокрытые и без подушек. Зима за окном, а большинство комнат лишено стекол. Чего ждет эти люди-призраки, которые тупо смотрят в даль, а взгляд их неживой.

Причина смерти: изнеможение от голода и тиф или туберкулез. Смертность в таких домах это шестьдесят до ста процентов. Ребята находятся во дворе. Точно так: «находятся», а не «играют». Эти дети не играют, впрочем это не дети: лица, как у стариков, печаль в глазах, худенькие ножки. Некоторые мужчины работают, но за деньги которые заработают, они не в состоянии прокормить своих близких. Чтобы не впасть в обморок от голода, все ежедневно получают тарелку супа. Но остальные члены семьи не работают, то есть «паразитируют», как бы сказал немецкий сверхчеловек. В итоге получается так, что Гмина пытается накормить всех этими супами.

Прав был господин Гепнер, филантроп всем сердцем, который тот способ помогать людям, о котором шла речь, считал превратным и несправедливым. Все это способствовало и продолжало агонию. По-моему, более гуманно было бы убить их наповал. А были среди них и сапожники, и портные, и прачки. Следовало бы раздавать суп тем, кто работал, но внутри одного здания. Часть народа была бессильна, то есть у них не было сил, чтобы дальше работать. Эти люди, раньше или позже, умерли бы. Зато другие, как только проснутся, пытались бы достигнуть цели, собственной цели, а не жить изо дня в день не зная за чем. Возможно, что удалось бы найти работу для других жителей, а

тогда получали бы не 300, а 1000 калорий. Похожая установка нашлась в проекте Комитета Помощи Евреям: сто тысяч злотых предназначены не на супу, а на то, чтобы устроить работу. Как помочь безработным - исконная проблема. Смертельная лавина уже рухнула, и нет никого, кто мог бы ее остановить. Врачи и медсестры, работающие в амбулатории для переселенцев – это люди честные и преданные, в отличие от руководителей домов для переселенцев. Одни – это символ энергии и самопожертвования, но есть и такие подлецы, которые обокрали бы нищету. Самоотверженные люди еще перед войной помогали другим, один как сионист, другой как бундовец, или ортодокс – все равно, кто он, важно только то, что он верил своим идеалом. Все они работали для идеи. Зато вора характеризовала ловкость и хитрость. А когда говорили, что горжусь своим еврейским происхождением, можно было подозревать, что зарабатывают большие деньги.

Так жилось в районе. С одной стороны крайняя нищета, с другой многие рестораны и кондитерские. Различные пирожные и вкусные печенья на выставках магазинов. В это время создалась новая элита евреев, которые торговали и продавали свои продукты немцам. Оказалось, что в немецком народе есть два типа специалистов: те, кто ненавидит евреев и их убивает, и второй тип фашистов, которые покупают товары у евреев и тем самым эксплуатируют эту нищету. Вы должны оценить, который тип хуже. Горы печений и полные рестораны раздражали других, а у меня к этому снисходительное отношение. Такое явление очень страшное, но выступает почти везде, где погибают люди и заканчивается жизнь. Пир во время падежа.

Я сознаюсь в своем поступке – один раз и я хорошо пообедал в таком ресторане. Это было тогда, когда я закончил зубоорачебный курс, и президиум хотело как-то отблагодарить. Подарить мне цветы, а может внести небольшие деньги для бедных? В конце концов, получилось так, что пригласили меня в ресторан. Я точно не помню, когда последний раз я чувствовал себя так хорошо, как в этот день. Одно знаю: это было давно, два, может три года тому назад. Я наслаждался теплом полного

желудка, вкусно и приятно обедал, пил хорошую водку, даже вино. Овладела мной благодать, слышите, благодать беззаботного разговора - что лучше: жаренная, или вареная рыба, и какое вино к ней? В один момент я забыл обо всем: о войне, нищете, об ожидающей нас смерти.

Самая плохая картина, которую можно было увидеть в районе – это жилья еврейского пролетариата. На берлоге больная мать, у нее высокая температура, а рядом мертвое тело ее ребенка. Я видел, как семилетний мальчик просит милостыню. Его семья почти вся вымерла от тифа, в живых остался только двухлетний брат, о которого теперь нужно заботится. Там можно было увидеть, как мать с безумным взглядом ест тело своего погибшего ребенка. Я часто ходил туда, невзирая на угрозу вшивости или заражения, в каком-то иступлении пощады.

Однажды появились плакаты, на которых было написано, что евреи, пойманы вне района, будут расстреляны. Это распоряжение было подписано комиссаром Ауерсвальдом, адвокатом по профессии. Господин комиссар – это человек, который реализовал все, что приказал. Вскоре вывесили список расстрелянных, а через некоторое время другой. Потом вообще перестали публиковать. Жаль бумаги, ибо расстреливали очень много.

Директором тюрьмы в районе был некий Линденфельд – человек хороший и доброжелательный. Сказал он, что первым приговоренным был стекольщик, живущий на улице Сенней, который попытался перейти на арийскую сторону, чтобы купить буханку хлеба дешевле на два злотых. Второй была одна нищенка, которая осмелилась нищенствовать вне района. Затем приговорили женщину – мать младенца, которая перешла на другую сторону за молоком. Для нее жизнь ребенка ценнее собственной жизни. И таких примеров было сотни. Экзекуция произошла рано утром - в семь часов. На тюремном дворе расставили столбы. Еврейская служба общественного порядка по приказу немецких солдат привязала приговоренных к столбу. Польскую полицию заставили произвести салют, иначе ждет их смертный приговор. Немцы хотели, чтобы позор убийства стал

частью польской истории. Стекольник, когда его вязали, громко крикнул: «Это тоже люди!». Еврей, которого, как говорили, должно характеризовать жестокость восточной культуры, не был в состоянии понять, что покупка хлеба может стать поводом его смерти. Молодая мать умоляет порядкового, чтобы отвез ее ребенка в детдом. Одна девушка просит порядкового, чтобы поцеловал ее. Зажмуривает глаза и придумывает образ своего любовника, который целует ее последний раз. А нищенка достает часы и дает их полицейскому с просьбой, чтобы отдал их ее семье, им могут еще пригодиться.

И так без конца. Господин комиссар опаздывает, но есть немецкий прокурор, и по этому начинают сразу. Комендант дает распоряжение и через несколько секунд падает выстрел: один, второй, третий. При столбе безжизненно свешиваются тела невинных жертв. Комиссар – бодрый и пахучий. Разве он бледный от волнения? Сознает ли он, что в этом моменте по его приказу погибли невинные люди? Нет. Он говорит: «Какая жалость. Извините, что я опоздал. Das haben Sie fein gemacht».

Судья Линденфельд убит. Все произошло так: Жил в тюремном здании. За ужином сидел он, его жена, его дочь, которой шел тринадцатый год и горничная по происхождению арийка, верная до последних дни этой семьи. Вдруг в их комнату вторгаются «заступники права», то есть есесманы и всех убивают, так как сидят.

К смертной казни могли быть приговорены евреи не только за нарушение границ района. Однажды немцы нуждались в шубах. Прежде всего они служили поводом благодарности для их любовниц, или были хорошим подарком для их жен. Комиссар приказал всем евреям отдать шубы, иначе ждет их смертная казнь. Некоторые из них просто палили шубы, лучше сжечь, чем отдать врагам. Другие посылали их на арийскую сторону. Контрабанда шуб организовалась очень успешно. Все-таки многие отдавали согласно приказу, потому что они очень боялись шантажа со стороны других евреев. Несмотря на эпидемию перед гминой стояли в очереди больные евреи. Но у комиссара появилась еще одна хорошая идея. Он пообещал освободить часть

приговоренных, если евреи отдадут тысячу шуб. Говорится, что между комиссаром и начальником гмины произошел следующий разговор: «Уважаемый комиссар, сегодняшний момент заставляет меня обойти правило иерархии. Об этом говорю вам, не как комиссару, а прежде всего как адвокату. А ведь я мог бы быть вашим отцом. Вы знаете генерала Х? Конечно, что не знаете. Генерал Х это комендант острова Св. Елены. Это человек, который издевался над Наполеоном больше, чем было надо. Но, когда вернулся в Лондон, никто руки ему не подал. Запомните это, меценат». И только тогда комиссар действительно освободил несколько сот евреев. Начальник гмины скоро поспешил в тюрьму, чтобы всем объявить это хорошее известие.

Я должен еще вспомнить о детском доме под названием «Хорошая воля». Его начальницей была госпожа Пинкертова – педагог по специальности. Финансировал это учреждение господин Веиц. Укоряли этой детдом, что его жизненные условия слишком отличаются от условий всего жилого района. У детей были полотенце, зубные щетки, и никогда не ходили голодными. Из сорванцов, нищих, уличных мальчишек, как по мановению волшебной палочки, расцветали дети, которые смотрели на людей с доверием, без проявок ненависти испуганного животного. Руководительница додумалась, чтобы фотографировать все перемены детей, с момента когда приходили без одежды или в лохмотьях, почти не отличаясь от животных, аж до неких сладких детских провидений. Я завел там моих студентов, чтоб показать им, как много можно сделать сердцем, достаточно любить. В глазах у них были слезы. Кто это был той волшебник, господин Веиц? Я ближе познакомился с ним попозже. Он происходил с простых еврейских слоев с Малопольши. Прибывши в район, он заорганизовал фабрику щеток, поставял эти щетки Немцам и за год стал миллионером. Он считал, что деньги, которые заработал на немцах, должен вернуть обществу. И не экономил миллионов. В Отвоцке он содержал двести детей. Обещал построить за свои деньги туберкулезный профилакторий. «Хорошая воля» - детдом, который стоил недешево, ибо четверть миллиона ежемесячно. Говорил мне, что у него столько денег, чтоб жить с процентов,

и чтобы выехать в Швейцарию, если только захочет. Но, в конечном счете, решил принять на работу тридцать тысяч работников и это стоило для него дороже жизни. У его и его ближайших сотрудников были какие-то неутоленные отеческие инстинкты, лично заботились о сиротах, контролировали вес, привозили горы фруктов. Евреи это удивительная нация. Одни равнодушно смотрели на смерть детей на улице, другие с каким-то испугом делали все во чтобы то ни стало, чтобы их спасти. Точно не знаю, живет ли еще господин Веиц, или как паразит уничтожен. В моих воспоминаниях он занимает почетное место.

Я здесь не пишу о численных других, а прежде всего о усилиях самого главы гмины и его жены. Скажу только, что они хорошенько выполняли свои обязанности. Итак, спасали детей, может не всех, а столько, сколько были в состоянии. Откровенно говоря, могу вам сказать, что посещая обоих детских больниц, находящиеся под руководством великолепной женщины, доктор Геллер, у меня возникло впечатление, что более гуманным было бы лишить жизни этих бедных детей. Не только потому что, это были в большинстве «развалины», а потому что чаще всего это были «полные» сироты, дети улицы, самая большая нищета, имеющие ужасное прошлое и еще страшнее будущее. Я помню мальчика с Пустельника. Он выглядел как живое вынут с картин Муриллы. В первый раз он попал в больницу из-за дизентерии – его спасли от смерти. Спустя несколько месяцев старшая медсестра нашла этого мальчика за стеной больницы умеряющего от голода. Его взяли на отделение. Личными усилиями врачей и медсестер удалось выводить эту семилетнюю малютку. Было ли оно благодарное? Говорило грустным голосом: «Зачем вы мне спасли первый раз? Если бы я умер, я бы не видел как убили моих родителей». И таких детей были сотни.

Так жила нация сказана на геноцид. Но нация господней гордилась тем что научила паразитов работать. Организацию поставки рабов передано Гмине. Гмина создала Управление посредничества труда. И все, к чему забрались евреи, очень быстро ставало делом, благодаря которому зарабатывали прежде

всего немцы, в следующем гмина и ее работники. Работа была двоих типов: групповая в городе с арийской стороны, и лагерная – в лагерях труда вне города. Групповая в городе часто была синекурой. Еврей работающие в группах правда получали некую зарплату, но основной прибылей была торговля. Основной же целью групповой работы было спланивание немецкого или еврейского надзирателя группы. Хорошо тогда зарабатывали немцы, отличаясь от евреев только большой жадностью. В них почти не было нордической гордости и воздержанности.

Но к пределам озверения доходило в лагерях. От работы в лагере можно было выкупиться. Приглашали еврея в Гмину, а затем заставляли его платить некую сумму, например двести злотых ежемесячно выкупа. Окончательно после торгов оставалось двадцать злотых. А у кого этого не было, шел в лагерь труда. Бедные, поэтому наиболее незащищенные, оставались как обычно жертвами. В большинстве случаев лагеря – это просто застенки. Лагеря имели своего врача из района, посылали в основном молодых, иногда продажных, часто очень отданных. Они доверительно рассказывали о своих переживаниях. При водяных работах люди стояли часами по пояс в воде, лишены даже защитной обуви. Таким образом, повестка дня - это ревматизм или обмороживание, в зависимости от поры года. Беспощадные побои за все. Однажды отозвали охранника только потому, что когда он бил евреев винтовка ему сломалась. А это было недопустимо. Кормили страшно, потому что у лагерников воровали все; евреи не были более милосердны от немцев. Спали в бараках на голой земле. Расстреливали за что-нибудь на глазах всех, приказывая сначала копать себе могилы. В одном из лагерей комендант украинец имел собаку-волка адресированную против евреев. Эта собака вырывала целые куски тела. Никаких судов не было. Комендант лагеря был господином жизни и смерти. В лагере, в котором было сто двадцать человек, на протяжении недели умерло тридцать.

Главой бюро работы был немец, Зеглер из Манхайма. Он был добродушным человеком и иногда старался облегчить судьбу осужденных. Но что же мог маленький чиновник по отношению к

приказам могучего фюрера. В лагерях умирали от голода, сыпного тифа и от понесенных ран. А часто от всего вместе, потому что иногда ликвидировали больных убивая их. На этом сером фоне отбивается светлым пятном позиция польского крестьянина. В основном страдал узникам лагеря и часто давал или продавал им хлеб, хотя это было наказуемо. Мне рассказывали о проповедях ксендзов, в которых главная мысль – это призыв к милосердию и помощи.

Красивые страницы имеет Общество поддержки сельского хозяйства, так называемый «Топороль». Работало оно уже перед войной в надежде на то, что только перегруппировка еврейского общества может его оздоровить. И не прекратило своей деятельности даже в концентрационном лагере, каким был район. Во дворах – цветники, развалины домов и руины. И все это благодаря помощи других переменялось в фантастические детские огородики, где молодежь и дети под руководством инструкторов училась сеять, собирать и наблюдать за жизнью земли. Они украшали балконы цветами или сеяли овощи, часто под опекой молодежи с «Топороля». Организовывались курсы смотрения за садами и огородами. И наконец организовались поездки молодежи в села, в усадьбы и крестьянские двора, чтобы помочь в сельскохозяйственных работах. Еврейская молодежь ценила эту работу. Я читал трогательные письма о работе в поле и о работе людей, с которыми они там встречались. Во время, когда описания участников трудовых лагерей показывали глубину людской злости, письма молодежи «Тополя» веяли бодростью, надеждой и благодарностью. Серой эминенцией «Тополя» был Хиполит Воль. Это был горячий польский патриот, племянник члена Народного Правительства в январском восстании. Хиполит Воль был раньше польским чиновником и хорошо послужил организуя снабжение и кооперативы. Хотя и чувствовал себя поляком хотел эмигрировать, потому что видел дегенерацию молодежи оторванной от земли. Мечтал не о Палестине, но о Австралии, и там хотел вести молодежь не только еврейскую, но и всех, которые хотели жить по другому и возражали всевластной ненависти в Европе. Верил, что работа на

поле и общение с природой возродит человека. Помогал многим молодым людям, был человеком богатым, в своей доброте расточительным. Убили его.

Красивые страницы имеет также Общество поддержки ремесла. Оно организовывало множество курсов слесарного, столярного, переплетного ремесла, бытовой химии и тому подобное. Большие заслуги принадлежат организатору депутату Яшуньскому.

В тени костела Всех Святых

Конец богослужения и возвращение на землю. Но душа освеженная в источниках прохладных и животворных.

Проповедь. Интеллектуальная публика не поддается волнению при рассказе о младенце Христе. И не действует на нее, что к Сыну можно попасть через Мать, потому что с такой просьбой связаны воспоминания земных дел. Однако волновалась, когда было слово о Польше. Красиво и смело говорил прелат Годлевск, что Родина есть как Мать: иногда обидит, иногда несправедлива, но Матери прощается, потому что Мать хочет только добра для своих детей. Говорил также, что любовь к этой Матери-Родине есть силой, которая творит связь народа. Она большая, чем сообщество происхождения. Родину завоевывается через общую любовь. Страдания же имеют смысл, только тогда, когда ведут высшим целям. Так говорил прелат Годлевски и эти слова успокаивали души отвергнутых.

Много людей крестилось в районе – и пожилые, и молодые, иногда целыми семьями. Были между ними мои ученицы и ученики. Часто просили меня быть крестным отцом. По каким мотивам соглашались на это? Ведь никакой пользы в этом не было, смена веры в ничем не меняла их правового статуса. Может их звала прелесть религии любви. Религии исповедованной народом, к которому принадлежали. Религии, в которой нет, а по крайней мере не должно быть места на ненависть. Можете представить себе, как этих евреев утомляла атмосферой общей неприязни. За что? Стоит передо мной во время крещения моя слушательница. Семицкий нос, большие губы, но в глазах вижу

огромное желание людской симпатии, на которую хочет отвечать взаимностью с полнотой взволнованного сердца. Придут могучие люди, которые ходят по общественных высотах, священники новой религии, и возьмут эту маленькую еврейку за руку, защитят перед ненавистью и разрешат ей быть доброй. Ибо христианство дошло до силы, так как несчастливым и пренебреженным дало право равенности и человеческой годности. Равности перед Богом, поэтому может быть... и перед человеком. Так как мучительно жить с незаслуженным пятном Каина. А это пятно может, не только может, но и должна снять религия любви. Такие мысли подогревали эту молодую еврейку, которая крестилась.

Так я проводил воскресные утра. Иногда я ходил за ограждения, потому что как председатель Совета Здоровья имел пропуск. Не было это доказательством особой симпатии захватчиков, ведь таких пропусков было около ста, и все потому, чтобы облегчить администрацию в Гмине. Я никогда не осмелился, чтобы ходить по Варшаве с повязкой на руке. Только после выхода из гетто, я входил в ворота и снимал повязку. За это мне грозила тюрьма; и я был готов. Улицы за стеной выглядели как бы с другого мира. Чистые, опрятные, толпы не было видно, скорее прохожие серьезные и угнетенные, но не вдавненные в шумливую толпу.

Начало конца

Тяжело во время безмерности происшествий отличать отдельные этапы. Заканчивается период жизни района. Первого июля 1942 года председатель Черняков созвал большое заседание, на которое были приглашены главные представителя общества. Присутствующих было несколько сот человек. Это имело вид приема: чай и пирожные. Во время заседание вошел гестаповец. Скромный прием, накрытые столы, на них сахар к чаю и пирожные для несколько сот человек – все это могло создавать иллюзию пира. Докладчики представляли отчет, касающийся работы в районе, большой возможности импровизации, любви еврея-ремесленника к своему месту работы, которую можно

сравнить с любовью польского селянина к земле. Говорилось, что работает восемьдесят тысяч человек, и возможно, что их работа окупит право к жизни. Председатель произнес речь, читая отрывки со своего дневника, которые поражали своей лаконичностью: в тот и тот день немцы расстреляли столько-то, в тот и тот день потребовали кожухов, в тот и тот день удалось выкупить столько-то, в тот и тот день было столько-то похорон. Между прочим сказал: «Пусть отрадой будет то, что между нами есть ученые и артисты, и что они страдают вместе с нами. Поэтому мы не должны чувствовать себя как толпа безымянных парий». Перечисляю ученых на первом месте вспомнил меня. Тогда я подумал, что если мои страдания могут на самом деле утешить и вытереть слезы, то не были они в пустую. И говорил дальше о трагедии евреев, которые в отличие от других народов должны только теперь доказать, что имеют право к жизни, которое принадлежит каждому творению. Порядок денный собрания еще не иссяк. Во время перерыва – это был не запоминаемый момент, – раздалась фортепианная музыка: попури прелюдий Шопена вперемежку с аккордами «Польша еще не умерла». Евреем запрещено играть музыку не еврейских композиторов; факт музыки Шопена на официальном заседании имел в этом свое красноречие. Но я хотел бы передать потомкам, что во время этого последнего заседания Гмины игралось «Еще Польша не умерла». За эту песню и артист, и председатель, и большинство присутствующих могла отправиться в лагерь. Но могу заверить, что ни у кого с присутствующих я не увидел в глазах страха, наоборот, эта песнь – проявление надежды и благодарности. Председатель предчувствовал, что для евреев заканчивается один этап Голгофы, в котором они должны были дать свидетельство конструктивной силы. Не предвидел зато, что это была песнь лебедя, и что конец был так близок.

Собственная кампания началась двадцать второго июля. Перед полднем прибыли в Гмину три машины: две легковые с офицерами СС, и один открытый автобус с вооруженными солдатами. Потребовали немедленной встречи с депутатами. Меньшая машина обежала в то же время город и эсэсовцы

в соответствии со списком арестовывали выдающихся личностей. Списка не придерживались точно – брали жен вместо мужей, соседей. Между прочим искали жену председателя и предупредили, что ее – покровителя многих детских заведений, расстреляют, если она не доставит большего числа детей. К счастью не могли ее найти. После полдня вызвали председателя в гестапо. Там ему сообщили о решении переселения евреев на восток и потребовали от еврейских властей доставлять ежедневно сем – десять тысяч человек. В первую очередь детей.

Я уже вспоминал о внутренней борьбе этого человека. Как он уступал, когда требовали денег или меха, и как не уступал, если вопрос стоял о жизни сотни людей. И теперь он стал перед большим решением, решением, к которому доросли только сильные духом, чтобы своей добровольной смертью доказать право к жизни своего народа. Он своей смертью доказал, что этот народ имеет сыновей, которые способны к героизму. Вернулся с заседания и написал несколько слов своей жене:

«Требуют от меня, чтобы собственными руками убивал детей моего народа. Мне не остается ничего другого, как умереть».

И был прав. Не замазается легенда о погибшем народе воспоминанием вождя, который свою жизнь ценил больше чем свои поручения. Знал, что только жертва и страдание могут сотворить легенду, которая сохранится; что необходимо умереть, чтобы вечно жить. Если убили бы его палачи, был бы одним из многих. Необходимо было умереть так, чтобы могла возникнуть легенда о страданиях его народа. Его запомнят на долго, как чистого духа, который понял, что эти идеи и народы, ради которых умираешь, имеют право к жизни. Смерть председателя потрясла целым районом. Тогда поняли, что судьба евреев решена.

Прошло несколько конференций для определения процедуры доставления жертв. Гмине не сказали сколько людей должно принадлежать переселению. Спорились на тему ежедневного контингента. В это время произошла немедленная эвакуация

инфекционного госпиталя на Ставках, где должна была основаться перегрузочная станция. Эта эвакуация с тысяча пятисот больными сначала должна была совершиться в один день, но потом продлили еще на один день. Во время конференции с гминой установились категории людей, которые не подлежат переселению: работники гмины, отдела снабжения, службы общественного порядка и палата врачей. В этот период обманывались, что родители работников упомянутых категории также будут защищены.

Уведомления сначала подписали власти Гмины, но потом этот привилегий истязания еврейского народа полностью перешел к службе порядка. Полковника Шерыньского назначили главным палачом. Я должен к сожалению увековечить фамилию этого современного Ирода. Это офицер довоенной полиции, еврей по происхождению; человек твердый и сильный, у него был твердый голос и поведение вождя. Вел себя как кондотьер. Производил впечатление очаровательного и одновременно очень жестокого мужчины, и был жесток. В службу общественного порядка ввел определенную дисциплины. Успокаивал в определенном количестве потребность формы, которая родилась в современных обществах, также среди евреев. Во время кампании касающейся сдачи шуб немцам, допустил неловкость: за стену послал, между прочим, одну очень малоценную шубу. Когда это обнаружилось, сразу немцы арестовали его и заключили в тюрьму на Павяку. Был приглашен на смертную казнь. Простили ему при условии, что поруководит на избиение кампанией соплеменников. Знал ли, что это резня? С начала возможно, что нет, потом не поддавалось сомнению.

Мог стать военачальником единственной войсковой единицы и умереть так, чтобы уважали его и свои, и враги. Не был достойный такого уважения. Поэтому умер как Иуда. В конце кампании ранила его пуля соплеменников, потом пробовал покончить с собой. Сделал ли это в связи с угрызениями совести, или знал, что пуля завоевателя, даже своих его не сбережет.

Начался новый этап жизни района. Комиссар Ауерсвальд был отстранен, власть перешла к Умзидлюнгскомандо, главой

которого был якобы генерал Гренер. Эта кампания была проведена сатаной недоброжелательности, который знал бездну людской низости. Исторические лица извергов – Нерона, Калигулы – бледнеют перед лицом этого человека. Решил не пачкать немецких рук этой кровью, а создать такие условия, чтобы евреи сами доставляли жертв. И выдумал способ: сначала заставляли чиновников Гмины участвовать в преступлениях. Через некоторое время преступления были характерны только для службы общественного порядка. За доставку контингента людского мяса могли рассчитывать на награду, что их родители не будут вывезены. Другие чиновники хранили только своих жен и детей, поставщики людского мяса хранили также своих матерей и отцов. Представьте себе, что есть люди, которые поступил бы точно так, как председатель: лучше умереть, чем самому доставлять детей убийцам. Но возможно, что в этот момент имел видение своей матери-старушки. И подумал: детей и так возьмут, а эту единственную мою мать защищу от неизбежной смерти. И спрашиваю вас, знает ли история мира такой позор? И смое ли когда-либо с себя немецкий народ этот позор? Заставить людей, часто хороших, стать палачами собственного народа, ценой жизни матери. Но и этого обещания не сохранено.

Население еще не ориентировалось в способах доставлять контингенты живого мяса. Самой простой задачей была эвакуация домов для детей и пунктов для переселенцев. Появились большие хоромы призраков в лохмотьях, нищих пухнувших от голода, детей худых как скелеты.

Это произвело кошмарное впечатление. Частично шли погоняемые полицией, частично набивали телеги. Но апогей напряжения наступил с моментом, когда немцы начали ловить прохожих на улице. Не забуду никогда этого ада: на матерей с детьми, на вольно ходящих детей кидались полицейские и комендантуры переселенцев, а затем вкидывали пойманных на телеги. Если какому-то ребенку удалось убежать, начиналась леденящая погоня. Крики родителей, рыдание детей, наконец плач тех, кто ловил перемешивались с непрерывными звуками выстрелов. Немцы следили за порядком; реквизировали

несколько рикш и объезжали город. Немцы вооруженные винтовкой стреляли без наименьшего повода в обезумевшую от ужаса толпу. Другие длинными плетками хлытали наотмашь прохожих. Стреляли в окна и балконы; выход на балкон грозил смертью. Все выходы гетто, кроме одного, были замурованы. Евреи попали в ловушку. Поездка трамваем была связана с опасностью, потому что солдаты останавливали трамваи, часть пассажиров убивали, а остальных без проверки документов вывозили на перегрузочную площадь на Ставки. В это время о проверке документов и речи быть не может. Все пойманные без исключения были доставлены на перегрузочную площадь или непосредственно в вагоны. Улица напоминала дом сумасшедших.

Госпиталь на Ставках, место перегрузки, в котором помещали людей пойманных на улице, теперь представлял ужасную картину, в сравнении с которой ничем есть образ дантийского ада. Доступ закрывал кордон службы общественного порядка. Перед зданием толпы отчаянных людей выкрикивающих фамилии своих близких, в окнах отчаянные и обезумевшие от страха толпы пойманных. Внутри кордона перед зданием лежат толпы оборванцев, для которых не нашлось места. В самом здании на подлоге, на лестницах, в коридорах лежат массы сдавленных людей. О использовании туалета даже речи быть не может, так как нельзя выходить из залов. Итак, лежат вповалку в собственном кале и моче. В этот способ держаться они без капли воды, без еды, без одежды, без нар, без возможности пользоваться туалетом. Требования немцев увеличиваются; начинают требовать не семь, а десять тысяч ежедневно. Только тогда население начинает понимать, что речь идет не о переселении, а о смерти. Узнают, что калек и стариков немцы расстреливают сразу же на кладбище, потом их вкидывают в общие могилы. Вместо сорока сто человек загруженных в вагоны. Немецкие солдаты утверждают, что вагоны идут в сторону Бобруйска. Но, как выяснил факт, что те же самые номера вагонов возвращаются через шесть часов. Шли они только до Малкини, недалеко которой находился лагерь смерти с газовыми камерами.

Существует специальная техника ведения животных на убой. Есть звери специально тренированные, которых ведется как на пастбище. Эту роль служба общественного порядка исполняла в следующий способ: появлялся циркуляр, что кто придет добровольно, получит хлеб и мармелад, и что семьи не будут разделены. Смотрите, как мало нужно, чтобы заманить в ловушку людей, когда они голодны. Чуть-чуть мармелада и все готово: толпы плачущих, семьи на телегах, молодежь с тюками, потому что надеюсь, что им жить разрешать за цену работы. Схватывание людей не избавлено метода. Ежедневно новые районы и новые дома. С утра окружает их служба общественного порядка в сопровождении нескольких немцев. Чтобы создать соответствующее настроение повиновения стреляют в окна и убивают несколько человек. Потом приказ выйти всем на двор. Позже обыск квартир и чердаков. Кто прятался был убит наповал. И так ежедневно погибали тысячи. Женщины, старики, дети, больные и здоровые. Все магазины закрыты, контрабанда закончилась. Большинство людей имеет выбор: умереть от голода или уступить приказу. А может вывезут на работу, и не убьют?

У немцев все большие востребования, касающиеся контингентов людей. Служба общественного порядка не успевает. Тогда появляется угроза расстрела заложников, расстрела еврейских полиции, расстрела ста из службы общественного порядка, лишение права защиты родителей. Я разговаривал с доктором социальных наук, мальчишкой мудрым и благородным, который служил в службе общественного порядка. Плакал, когда он говорил о своей матери. У него было желание исцелить ее во что бы то ни стало. А нельзя было надеяться на наименьшее сострадание со стороны палачей. В тюрьме некоторых заключенных немцы убивали, а остальных вывозили. Их вкидывали на грузовики как скот. Женщин тянули за волосы. Некоторые из служб общественного порядка пытались исцелить тех, кто не принадлежал вывозу. Но все такие попытки быстро заканчивались смертью «порядкового». Впрочем, смерть порядкового это повестка дня. Время от времени получалось так, что несмотря на приказ, некоторым немцы проверяли документы,

и освобождали некоторых евреев. Но если стояли вагоны, тогда всех заставляли их занять, и никто документов не проверял. Судьба этих людей была решена.

Кроме немцев убивали также шаули (литовская армия) и украинские юнаки. Эти последние были наиболее зверскими.

В извещении сказано, что могут остаться только те жители, которые будут работать в немецких зонах и в пользу немецкой армии. Они будут размещены в казармах, будут жить в фабриках, получать суп и несколько злотых. Двенадцатичасовой день работы, и все потому, чтобы отучиться еврея тунеядства. Таких сараев получилось несколько: Теббенс, Шульц, Феликс. Неистово появляются другие. В основном получается так: еврейский капитал, еврейские машины, еврейский работник и немецкая фирма. Чтобы точно разграничить, кто такой тунеядец. В этих комбинатах находятся ткацкие машины, но в основном эти места используются как места кустарной работы, при чем сами евреи должны принести орудия производства. В этом проявилась дьявольская хитрость. Ведь, через несколько дней все швейные машины были собраны в нескольких местах, где сидели мужчины, женщины, старики и дети, и все пришивали какие-то пуговицы к каким-то формам. А за работу получали тарелку супа, что казалось им раем. Ведь лучше работать до двенадцати часов днем, чем погибнуть. И возле этих сараев сразу же возникнул выгодный интерес: евреи принимали по несколько тысяч, чтобы попасть на список, а затем подкупали каких-то таинственных немцев. И народ, который пренебрегает золотом, а любит якобы кровь, землю и железо, не гнушался этими еврейскими деньгами. На самом деле легче заработать при помощи железа чем обмана.

По приказу власти реквизируют целые корпуса зданий и на протяжении нескольких минут всех выбрасывают на улицу. При этой возможности убивают сотни людей. Однажды при эвакуации улицы Новолипе немцы убили двести человек. Здания окружили колючей проволокой и начался парад: двенадцать часов в день, зарплата шесть злотых, суп, восемьдесят граммов хлеба и два раза кофе. А надежда жить? Говорит какой-то «гуманитарный» хозяин сарая, немец: «Мои евреи умрут последними».

Перегрузочная площадь была своего рода чистилищем, дорогой в ад. С города ежедневно приезжала новая доставка, частично на телегах, в основном пешком, семь – десять тысяч человек. Он был окружен кордоном; кто попадал за кордон, переставал быть человеком. С этого момента явился скотом, предназначенным для работы или резни. Иногда на площади немцы проводили сортировку. Люди, которые имели документы работы в сараях направлялись направо, остальные попадали в вагоны. Эти несчастные должны были проходить перед рядом вооруженных немцев, которые безжалостно били их палками и кнутами, и без повода стреляли почти неустанно. Кроме того, над площадей разливалось эхо карабинных и пулеметных выстрелов. Возле вагонов лежали тела «порядковых», которые не справились с ролей палача. Свидетели рассказывали мне детали убийств, от которых волосы ставали на голове дыбом.

У властей Гмины не было никаких данных, которые могли бы точно определить количество вывезенных, и тех которые остались. Люди, выброшенные из домов, лишённые имущества, пойманные как дикие звери, охвачены паникой и отчаянием. Распоряжение гласит, что после распределения по казармам, каждый еврей, который находится вне сарая, будет убит.

Таким образом происходит одна из наиболее трагичных резней, которые знает история, резня почти полумиллионного народа. Цинизмом в этой адской бездне можно считать то, что для ловов своих соплеменников были заставлены те евреи, в награду которых защищало право предохранять своих близких перед вывозом. Чувство незащитности создает настроение отчаяния и паники, более страшное чем смерть. Палачи часто интересовались психическими рефлексамии своих жертв. На пример, на телегу посадили ребенка, отрывая его от матери, а затем следили со смехом реакцию и задумывались: пойдет ли она за ребенком, или останется? На улице Железней 103 весело. Там живут эсэсовцы, которые руководят этой кампанией. Еда, музыка, песни! «Kraft durch Freude» («Сила через радость»). Не чувствуют, что убивают людей. Им кажется, что освобождают мир от вшей.

В чем суть этой ужасающего избиения? В немецких письмах нашлась запись, что евреи снова занимаются «Гройельпропандой». На самом деле, писали, еврейская Гмина обратилась с просьбой вывести непродуктивные элементы. Будучи еще в районе, я думал, что речь идет о введении рабовладения, что по крайней мере молодые избегут смерти, потому что будут необходимые как рабочая сила. К сожалению это оказалось слишком большим оптимизмом; ненависть немцев была сильнее даже приказов народного эгоизма.

У тех, кто принадлежал к работникам из списков Гмины, появилась надежда спасти жизнь. Они рисковали своей жизнью, чтобы спасти своих родителей и подать им кусочек хлеба. Все это требовало от них много энергии. Было известно, что в определенном моменте необходимо будет выдать на смерть большую часть больных. Чем, в таком случае, должны заняться врачи? Их заданием - защищать своих больных. Не возможно, к сожалению, спасти всех перед жестокой судьбой. Больнице находилось несколько человек, матерей, друзей. Во имя дружбы все решили защитить их перед назойливыми немцами, которые ждали определенного момента, чтобы их убить. Последняя помощь друзьям, пусть их матери не умирают смотря на палачей, пусть уснут в спокойствии. На следующий день, когда пришел приказ доставить определенный контингент из больницы, пятнадцать матерей врачей, старушек, было усыплено уколом морфина. Они имели легкую и спокойную смерть. Их похоронили на сквере в общей могиле. Пусть их смерть обременит совесть немецких врачей.

Не знаю, как отнесутся к всему этому немецкие интеллектуалисты, когда узнают, что их соплеменники перебили целые народы. Скажут ли они, что только несколько озверелых дегенератов совершило этот единственный в своей жестокости поступок, что немецкие интеллектуалисты ничего не знали о их планах и нельзя винить всех немцев за то, что произошло. А может скажут отчаянно, так, как тридцать лет тому назад: «Es est nich wahr» - это не правда!

Фрагментарное описание варшавского гетто обработал: Й. Г.